

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Воронежский государственный технический университет»**

Кафедра русского языка и межкультурной коммуникации

Арт-критика

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ

**к практическим занятиям для студентов магистратуры
направления подготовки 42.04.02 «Журналистика»
всех форм обучения**

Воронеж 2024

УДК 82-95(07)
ББК 83.3я73

Составитель:
Ю.С. Попова

Арт-критика: методические указания к выполнению практических работ по дисциплине «Арт-критика» для магистрантов направления 42.04.02 «Журналистика» (профиль «СМИ и Интернет») всех форм обучения / ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»; сост.: Ю.С. Попова, Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2024. 21 с.

Основной целью указаний является формирование комплексного представления об арт-процессах, их критическом осмыслении современной социокультурной реальности.

Предназначены для проведения практических работ по дисциплине «Арт-критика» для магистрантов 1 курса.

Методические указания подготовлены в электронном виде и содержатся в файле МУ_Арт-критика_маг_2024.pdf

Библиогр.: 10 назв.

УДК 82-95(07)
ББК 83.3я73

Рецензент – О.В. Сулемина, канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ВГТУ

*Издается по решению редакционно-издательского
Воронежского государственного технического университета*

ВВЕДЕНИЕ

Задачи освоения дисциплины «Арт-критика»:

- формирование представлений об истории художественной критики и ее современных трансформациях;
- изучение художественной критики как составной части искусствознания, наряду с историей и теорией искусства;
- развитие навыков креативного письма;
- знание форматов текстов, принятых в различных областях арт-журналистики и художественной критики в формате СМИ.

Тематика лекционных и практических занятий

№ п/п	Наименование темы	Содержание раздела
1	Предмет и сущность курса. Исторический экскурс в развитие арт-журналистики и критики	Основные исторические этапы становления арт-журналистики Выдающиеся художественные критики в истории Анализ современного журналистского и художественно-критического процессов
2	Методы и объекты художественной критики и арт-журналистики	Принципы разграничения художественно-критических жанров (объём, цель, аналитический компонент). Классификация жанров Особенности хроники как художественно-критического жанра
3	Жанровое разнообразие арт-журналистики и художественной критики	Анализ изданий, содержащие наиболее яркие творческие портреты художников, музыкантов, актёров, режиссёров – как жанр арт-журналистики
4	Рецензия как вид журналистского продукта, научной и литературно-художественной критики	Отличие рецензии от иных жанров художественной критики Классификация рецензий в соответствии с жанровым содержанием
5	Интервью как метод и жанр. Особенности жанра «творческий портрет»	Интервью как жанр газетно-журнальной публицистики Процесс работы над интервью. Анализ образцов интервью в периодической печати и профессиональных художественных изданиях Особенности устной беседы на радио и телевидении. Анализ различных образцов данного жанра.

		Особенность жанра «творческий портрет». Профессиональные требования к созданию творческого портрета
6	Критическая статья. Художественно-критический обзор	Содержательная и жанровая близость статьи и рецензии. Виды статей в зависимости от объекта критического рассмотрения Назначение и классификация критического обзора. Использование современных технических средств для подготовки обзора

Практические задания

Задание 1. Проанализируйте тексты с точки зрения аргументированности оценки.

Текст 1.

Автор только что вышедшей в московском издательстве книги «Несправедливости наперекор» Абрам Хаит (первый коммуникативный шаг – информирование). Это книга добрая и несколько наивная (второй коммуникативный шаг – оценка события, факта). Автор рассказывает о том, как много в жизни хороших людей несправедливостей – маленьких и больших: от первых детских, школьных обид до неудач в любви и проблем на работе. И хотя жизнь главных героев действительно, что называется, не сахар – посыл у этой истории самый что ни на есть позитивный <...>. Одна из последних глав книги как раз о том, что в жизни все-таки есть справедливость. И чувствуется, что сам автор в это искренне верит (третий коммуникативный шаг – рассуждение, аргументирующее оценку) (Лит. газ., 2018, 18–24 июля. С. 7).

Текст 2.

Из интервью «премьера Большого театра России, Народного артиста России» Николая Цискаридзе («Большой новодел») в связи с открытием театра после масштабной реставрации.

«Мне в детстве казалось, что там работают волшебники. У меня была мечта туда прорваться... Такого сияния я не видел потом нигде и никогда. Это было потрясающее по силе чувство. Мама, она была в зале, сказала, что я стоял очень близко к рампе и на моем лице застыло «ааах!». Об этом все великие артисты, которые служили на этой сцене, пишут и говорят в интервью, признаваясь, что ничего удобней, роднее, интересней, чем это пространство, у них в жизни не было. Несмотря на всю тяжесть обстановки и порой даже гадостную атмосферу, которая бывала «под шапкой» Большого театра, для меня это пространство было священным» (Театральный курьер, 2011. № 1 (140). С. 8).

Текст 3.

Сюжет новой книги Ирины Муравьевой «Соблазнитель» (издательство ЭКСМО) только внешне и очень приблизительно можно соотнести с набоковской «Лолитой». Хотя речь здесь и идет о любви между взрослым человеком и пятнадцатилетней девочкой-подростком, роман, по словам автора, стремится представить не только чувственный, но и духовный аспект этих отношений. «Соблазнитель» – это феерия эмоций, красивая история о любви в жизни и жизни в любви.

Выход книги Муравьевой – значительное событие для литературных эстетов и истинных гурманов слова. Нежное подражание классической синестезии Набокова, которое читается между строк «Соблазнителя»,

претендует на достойный критический отклик и гарантирует удовольствие от прочтения («Сноб», 2012. URL: [http:// www.snob.ru/selected/entry/74202](http://www.snob.ru/selected/entry/74202). Дата обращения – 24. 04. 2014).

Текст 4.

Во втором действии режиссёр развивает свою мысль до международных масштабов: на балу у него появляется драпированный белый занавес – киноэкран, на котором зритель видит то картины бала, то идущие танки и стреляющие пушки... Двумя словами, война и мир. Пир во время чумы. Предчувствие Первой мировой – и пышный праздник. Падение российской монархии – и надевающий царскую корону пьяный русский граф. Желающие могут провести параллели с другим балом – из самого знаменитого романа Льва Толстого. Но это уже – факультатив (Невское время, 2013, 26 февраля. С. 6).

Текст 5.

А. Мелихов эссе «Зощенко и Европа»

Александр МЕЛИХОВ (Мейлахс)

Прозаик, публицист, критик. Родился в 1947 году. Окончил матмех ЛГУ, работал в НИИ прикладной математики при ЛГУ. Кандидат физико-математических наук. Как прозаик печатается с 1979 года. Автор книги «Диалоги о мировой художественной культуре» и нескольких сот журнально-газетных публикаций, зам. гл. редактора журнала «Нева». Произведения переводились на английский, венгерский, итальянский, китайский, корейский, немецкий, польский языки. Лауреат ряда литературных премий, в том числе: Набоковская премия СП Петербурга (1993) за роман «Исповедь еврея», премия петербургского ПЕН-клуба (1995) за «Роман с простатитом». Роман «Любовь к отеческим гробам» вошел в шорт-лист 2001 года премии «Русский Букер», а также получил премию «Студенческий Букер», роман «Горбатые атланты» вошел в список трех лучших книг Петербурга за 1995 год. Член СП Санкт-Петербурга. Живет в Санкт-Петербурге.

ОШИБКА СТАЛИНА (ЗОЩЕНКО И ЕВРОПА)

Уже смешно — где Зощенко и где Европа? Кого в Европе можно поставить рядом с ним, родившимся из пены коммунальных стирок и терок? Ведь любая личность, спустившаяся из европейских заоблачных высей, непременно обладает ослепительным гардеробом, одеколоном, фотоаппаратом, брюкодержателем и так далее. А у нас что? Вот выйдешь, например, в поле, за город... Домишко какой-нибудь за городом. Забор. Скучный такой. Коровенка стоит такая скучная до слез... Бок в навозе у

ней... Хвостом треплет... Жует... Баба этакая в сером трикотажном платке сидит...

Делает что-то руками. Петух ходит.

Ох, до чего это скучно видеть

Да и в городе не лучше. Хотя, конечно, в данном случае, в этой скучной картине городской жизни автор берет людей мелких, ничтожных, себе подобных и отнюдь не государственных деятелей или, скажем, работников просвещения, которые действительно ходят по городу по важным делам и обстоятельствам...

Так примерно рисует Зощенко современную ему советскую действительность, а веселого читателя, «который ищет бойкий и стремительный полет фантазии и который ждет пикантных подробностей и происшествий, автор с легким сердцем отсылает к иностранным авторам». Сам же автор «просто не рискует сочинять небылицы о тамошней иностранной жизни.

Конечно, какой-нибудь опытный сочинитель, дорвавшись до заграницы, непременно бы тут пустил пыль в глаза читателям, нарисовав им две или три европейские картинки с ночными барами, с шансонетками и с американскими миллиардерами.

Увы! Автор никогда не ездил по заграницам, и жизнь Европы для него темна и неясна».

Иногда он, впрочем, позволял себе заграничные зарисовки, объясняя, почему у них, у буржуазных иностранцев, морда более неподвижно и презрительно держится, чем у нас — как взято у них одно выражение лица, так и смотрится с этим выражением на все остальные предметы. Ибо буржуазная жизнь довольно беспокойная, без такой выдержки они могут ужасно осрамиться: там уж очень исключительно избранное общество, кругом миллионеры расположились, Форд на стуле сидит, опять же фраки, дамы, одного электричества горит, может, больше как на двести свечей... Западная «красивая жизнь» в глазах Зощенко годилась лишь для пародирования. Или не для самого Зощенко, но лишь для его Повествователя? После сталинского удара, обрушившегося на голову невинного, казалось бы, юмориста, его жена написала лучшему другу писателей длиннейшее письмо, в котором среди излияний любви к вождю и оправданий своего суженого упомянула и о том, что Зощенко всегда отказывался от заграничных приглашений, «так как не видел для себя никакого интереса в этих поездках». В конце письма самоотверженная заступница выражает робкую надежду, что ее несчастный спутник жизни когда-нибудь все-таки сумеет изобразить красоту и величие наших людей и нашей неповторимой эпохи — теперь он ясно осознал всю необходимость для народа именно такой «положительной» литературы, «воспитывающей сознание наших людей, особенно молодежи, в духе наших великих идей». Вряд ли Сталин поверил хоть на миллиграмм в способность Зощенко воспитывать молодежь в духе сталинских идей, но продолжение могло его заинтересовать: «Если же такая работа окажется

выше его сил и возможностей, может быть, он напишет... сатирическую комедию, осмеивающую жизнь и нравы капиталистической эпохи».

Даже любопытно, что можно написать про за границу, никогда не бывая там и не видя в том никакого интереса. Однако социальный заказ заключался именно в этом. Написанную впоследствии комедию так никто и не увидел, но продовольственную карточку Зощенко восстановили. В соответствии с девизом Остапа Бендера «Европа нам поможет!»

Комедия называлась «За бархатным занавесом» (с намеком на занавес железный), и действовал в ней миллионер барон Робинзон, который, опасаясь покушений, завел себе двойника по имени Браунинг, а Браунинг, не будь дурак, подменил миллионера собственной персоной.

Комедия была отвергнута из-за недостаточной злобности по отношению к миру чистогана, недотянув до таких шедевров, как «Русский вопрос» Симонова, «Голос Америки» Лавренева, «В одной стране» Вирты и «Миссурийского вальса» Погодина (оскоромился и гениальный Платонов, попытавшийся вписаться в холодную войну «Ноевым ковчегом»). И все же насмешка над шикарной европейской жизнью в этой несостоявшейся комедии наверняка была неподдельной. Ибо не только о брюкодержателях, но и о европейских писателях Зощенко отзывался с явной иронией (с подтекстом: у нас хоть и серенькая, зато правда, а у них пусть и блеск, зато фальшь).

«В самом деле — иностранцы очень уж приятно едят. Кругом у них счастье и удача. Кругом полное благополучие. Герои все как на подбор красивые. Ходят в шелковых платьях и в голубых подштанниках. В ваннах чуть ли не ежедневно моются. А главное — масса бодрости, веселья и вранья».

Разумеется, как всегда у Зощенко, это на три четверти, если не на девять десятых, пародия, но в подтексте опять-таки истинное чувство: ничего серьезного они сказать нам не могут — слишком уж разная у нас жизнь. А потому все, кто в Советской России корчил европейца, носил имя Теодор или Андреус, в мире Зощенко оказывались особенно смехотворными. А Мишель еще и жалким до слез. Тогда как естественные порождения российско-советского быта жалкими не были.

Зощенко населил советское мироздание невероятно забавными куклами, как и у Гоголя, лишенными внутреннего мира, — лишенными теплых и горьких воспоминаний, любви к родителям и детям, ночной тоски, тревог за будущее, — что позволяло потешаться над ними, не испытывая сострадания. Хотя, если бы мы увидели в них существа, подобные нам самим, нами бы овладел ужас: все их жизненные силы отданы борьбе за хоть какое-то подобие нормального («мелкобуржуазного») человеческого существования. Но если им выпадают два билета в театр для развлечения приглянувшейся дамочки, то они непременно оказываются с нею в разных местах, а в антракте у них не хватает денег на пирожные. В бане у них «смывается» привязанный к ноге номерок, по которому им должны выдать пальто в гардеробе. В больнице их укладывают в одну ванну с неизвестной

старухой — словом, они всегда смехотворно проигрывают, но при этом никогда не приходят в отчаяние: советский абсурд для них в порядке вещей.

В этом мире прозвучали бы странной нелепостью любые пышные иностранные имена — скажем, Великобритания. Или лорд Байрон, чемпион романтического пессимизма. А между тем, Зощенко в своих воззрениях на человеческий род куда больший пессимист, чем Байрон. Байрон презирает людей с высоты неких идеалов — в мире Зощенко идеалисты ломаются первыми, превращаясь в лучшем случае в хамов и жуликов, а в худшем прямо-таки в троглодитов, прячущихся под землей. В мире Байрона есть, по крайней мере, две стихии, которые он ощущает величественными — это история и природа, — в мир Зощенко природа проникает разве что в самом затрапезном виде, а в его истории («Голубая книга») действует такое же жлобье, как в любой коммуналке.

Зощенко оскорблен не столько властью тиранов, сколько вообще властью материи над духом, «анатомической зависимостью». По обыкновению изображая простачка, он оскорбляется вещами более чем серьезными — почему, например, человек главным образом состоит из воды, что он, гриб или ягода? Да и все остальное в человеке в высшей степени посредственное, уголь, кажется...

В энтомологическом мире Зощенко все настолько посредственное, что требуется некоторое умственное напряжение, чтобы понять, что это тот самый тоталитарный мир, который послужил источником мрачного вдохновения самому Оруэллу. В мире Оруэлла возможна трагедия: любовь, восстающая против власти лозунгов, критическое мышление, посягающее на тотальный контроль, — в мире Зощенко нет ни лозунгов, ни любви, ни мышления, его герои сходятся и расходятся в силу примитивнейших житейских обстоятельств, а лозунги в их речь проникают лишь в пародийном обличье. В этом мире нет места идеологии, царит там лишь одна тотальная власть — власть куска хлеба и уголка жилплощади. Если туда и проникает история — скажем, юбилей Пушкина, — то на обитателях этого мира он сказывается единственным образом: их выселяют из чудом добытой каморки, которую поэт «осчастливил своим нестерпимым гением».

И все же Зощенко был почти любим творцами советской истории, покуда его сатира воспринималась как обличение «мещанства», «родимых пятен старого мира». Однако к концу войны Сталин понял, что под пером Зощенко не только рядовые «положительные герои», но и самый человечный человек Владимир Ильич Ленин, сколько ни поливай его сиропом, все равно обретает черты забавной марионетки. И Сталин подал сигнал... Вот тогда-то в августе 1946-го в докладе партийного босса А. Жданова Зощенко был назван пошляком и подонком, проповедником гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности, лишен «рабочей» продуктовой карточки; издательства, журналы и театры стали разрывать заключенные с ним договоры, требуя возврата авансов...

Писатель-орденоносец перебивался переводами, распродал вещи и даже пытался подрабатывать в сапожной артели. Стараясь хоть немного

«отмыться», он написал Сталину письмо, поразительное по искренности и наивности.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Я никогда не был антисоветским человеком. В 1918 году я добровольцем пошел в Красную Армию и полгода пробыл на фронте, сражаясь против белогвардейских войск.

...Меня самого никогда не удовлетворяла моя сатирическая позиция в литературе. И я всегда стремился к изображению положительных сторон жизни. Но это было нелегко сделать — так же трудно, как комическому актеру играть героические образы.

...Прошу мне поверить — я ничего не ищу и не прошу никаких улучшений в моей судьбе. А если и пишу Вам, то с единственной целью несколько облегчить свою боль. Я никогда не был литературным пройдохой или низким человеком, или человеком, который отдавал свой труд на благо помещиков и банкиров. Это ошибка. Уверяю Вас.

Однако никакой ошибки не было: Сталин и не предполагал, что Зощенко трудится на благо помещиков и банкиров — достаточно было того, что мироощущение Зощенко не совмещалось не только с коммунистическим, но и ни с каким другим пафосом: «Жизнь, на мой ничтожный взгляд, устроена проще, обидней и не для интеллигентов».

В этой жизни нет места ни подвигам, ни иностранцам. И надо же судьбе было подстроить такой поворот фабулы, чтобы заключительный удар певцу провинциальной затхлости нанесли англичане...

После смерти Сталина положение Зощенко начало чуточку налаживаться, однако в мае 54-го во исполнение все того же лозунга «Европа нам поможет!» туристическая группа английских студентов попросила устроить им встречу с Зощенко и Ахматовой. Одержимые благими намерениями юнцы задали двум истерзанным гениям вопрос, согласны ли они с инквизиторским постановлением. Ахматова гордо сказала «да» (ее сын находился в Гулаге), а Зощенко ответил, что кое с чем не согласен. Новая волна травли ввергла его в глубокую депрессию, которая в сущности и свела его в могилу. Незадолго до смерти на юбилее Евгения Шварца Зощенко произнес печальные слова: когда-то я хотел от людей доблести, потом хотел порядочности, а сейчас хочу только приличий.

Он хотел малого, но и этого не получил...

Зато его герои, пропустив над головой все идеологические цунами, не позволили идеократии проникнуть в глубину бытия. Можно сказать, что именно они в гораздо большей степени, чем интеллектуалы, подготовили явление демократии и либерализма.

В 2010 году Россия побывала главным экспонентом лондонской книжной ярмарки. Итоговое впечатление — детей и внуков тех английских студентов мало интересуют российские писатели в каком-то ином качестве, кроме как в качестве жертв тоталитарного режима.

И это совершенно нормально — каждый народ создает свою культуру для эстетизации своей, а не чужой жизни. Попробуйте найти в классической

русской литературе возвышенный образ иностранца, хоть того же англичанина. Если это не Байрон. Или француза. Если это не Наполеон. Тем не менее, когда Наполеон двинул свою рать на Россию, его романтические поклонники все как один поднялись на борьбу с ним. И начали снова воспевать его скалу, гробницу славы, где погружались в хладный сон воспоминанья величавы, лишь после его падения. Вновь увлекшись духом Запада только после материальной победы.

Так всегда и бывает — экзистенциальное побеждает социальное. Ибо в эмоциональном слиянии со своим потенциально бессмертным народом — вернее, с его идеализированным образом, созданном системой иллюзий, чье имя «национальная культура» — человек ищет защиты от чувства незащитности перед смертью, старостью, болезнями, утратами, тогда как в социальной борьбе — всего лишь комфорта. Поэтому в межнациональной конкуренции соблазн — предлагаемый чужой культурой более красивый и воодушевляющий образ мира — более мощное оружие, чем насилие. Чтобы победители Гитлера вослед победителям Наполеона не принесли с Запада нового декабризма, Сталин почти сразу же после войны развернул борьбу с «низкопоклонством перед Западом». Из сегодняшнего дня трудно сказать, насколько она была успешна, но велась она методами крайне топорными. Это, впрочем, не означает, что она была неэффективной по отношению к малообразованной массе, зато интеллигенция имела и имеет полную возможность изобразить ее вполне анекдотической: «Россия — родина слонов».

В этом и заключается одна из важнейших функций всякой культуры или субкультуры — в изображении своих врагов смешными и отвратительными (по контрасту с собой). И сегодня мы имеем полную возможность тешить себя уверенностью, что все талантливые, а особенно гонимые сталинизмом творцы относились к антизападной кампании с полным презрением. Однако Зощенко принял участие в этой кампании хотя и без успеха, но, скорее всего, по зову сердца. Его скепсис носил тотальный, экзистенциальный характер и относился ко всему роду человеческому, а отнюдь не к одной лишь шестой части суши. Он готов был осмеивать всякого, кто стал бы воображать о себе слишком много.

И то, что Сталин не подключил Зощенко к антизападной пропаганде, было его несомненным упущением.

Политики слабо разбираются в экзистенциальном, все они живут под низким, социальным небосводом.

Вопросы для подготовки к зачету

1. Художественная критика: наполнение термина.
2. Место художественной критики в структуре художественной культуры общества.
3. Художественная критика и профессия журналиста.
4. Сущностные характеристики литературно-художественной критики. Семь правил для журналиста М.В. Ломоносова.
5. Функции художественной критики.
6. Дискуссия как метод художественной критики.
7. Разновидности художественной критики.
8. Методы художественной критики.
9. Критерии ценности в художественной критике.
10. Требования, предъявляемые к языку критических работ.
11. Особенности типологии жанров художественной критики
12. Жанры художественной критики. Хроника художественной жизни. Хроникальная заметка. Хроникальный обзор. Корреспонденция.
13. Рецензия; основные требования к рецензенту. Виды рецензий.
14. Интервью, беседа, фельетон как жанры публицистики.
15. Творческий портрет. Особенности жанра.
16. Критическая статья как жанр художественной критики.

Библиографический список

1. Мясникова М.А. Практика профессионального медиаобразования. Учеб пособие. Минобрнауки РФ, УрФУ, Екатеринбург, 2015.
<https://www.iprbookshop.ru/69661.html>
2. Быков Л.П. Сквозь призму жанра: литературно-художественная критика: учебное пособие / Л.П. Быков — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2017.
<https://www.iprbookshop.ru/106528.html>
3. Черняк М.В. Журналистика в этнокультурной сфере: учебно-методический комплекс / Черняк М.В. — Кемерово: Кемеровский государственный институт культуры, 2015
<https://www.iprbookshop.ru/55764.html>
4. Евдокимов, В. А. Массмедиа в социокультурном пространстве: учебное пособие / В.А. Евдокимов. — Омск: ОМГА, 2021.
<https://e.lanbook.com/book/177848>
5. Агратина Е.Е. История зарубежного и русского искусства XX века: Учебник и практикум Для СПО / Агратина Е. Е. - Москва : Издательство Юрайт, 2019. <https://www.biblio-online.ru/bcode/439051>
6. Павлова, А. Ю. Художественная критика : учебное пособие для вузов / А. Ю. Павлова, Н. В. Сколова.— Москва : Издательство Юрайт, 2024.
<https://urait.ru/book/hudozhestvennaya-kritika-541065>
7. Жуковский А.В. О литературе и искусстве. Избранное : - / Жуковский В. А. - Москва : Издательство Юрайт, 2019.
<https://www.biblio-online.ru/bcode/446798>
8. Мировая художественная культура: учебно-методический комплекс для студентов/. — Кемерово: Кемеровский государственный институт культуры, 2012.
<https://www.iprbookshop.ru/22028.html>
9. Дмитриев А.И. От экранизации к самоэкранизации. Отечественное киноискусство в контексте российской культуры XX века: научное издание / Дмитриев А.И.. — Кемерово: Кемеровский государственный институт культуры, 2015.
<https://www.iprbookshop.ru/55803.html>
10. Толстиков В.С. Культура России во второй половине XIX – первой трети XX в.: учебное пособие / Толстиков В.С.. — Челябинск : Челябинский государственный институт культуры, 2011.
<https://www.iprbookshop.ru/56427.html>

ОГЛАВЛЕНИЕ

Тематика лекционных и практических занятий.....	3
Практические задания.....	5
Вопросы для подготовки к зачету.....	12
Библиографический список.....	13

АРТ-КРИТИКА

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ

к практическим занятиям для студентов магистратуры
направления подготовки 42.04.02 «Журналистика»
всех форм обучения

Составитель:

Попова Юлия Сергеевна

Издается в авторской редакции

Компьютерный набор Ю.С. Попова

Подписано к изданию 11.10.2024.

Уч.-изд. л. 1,5.

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84